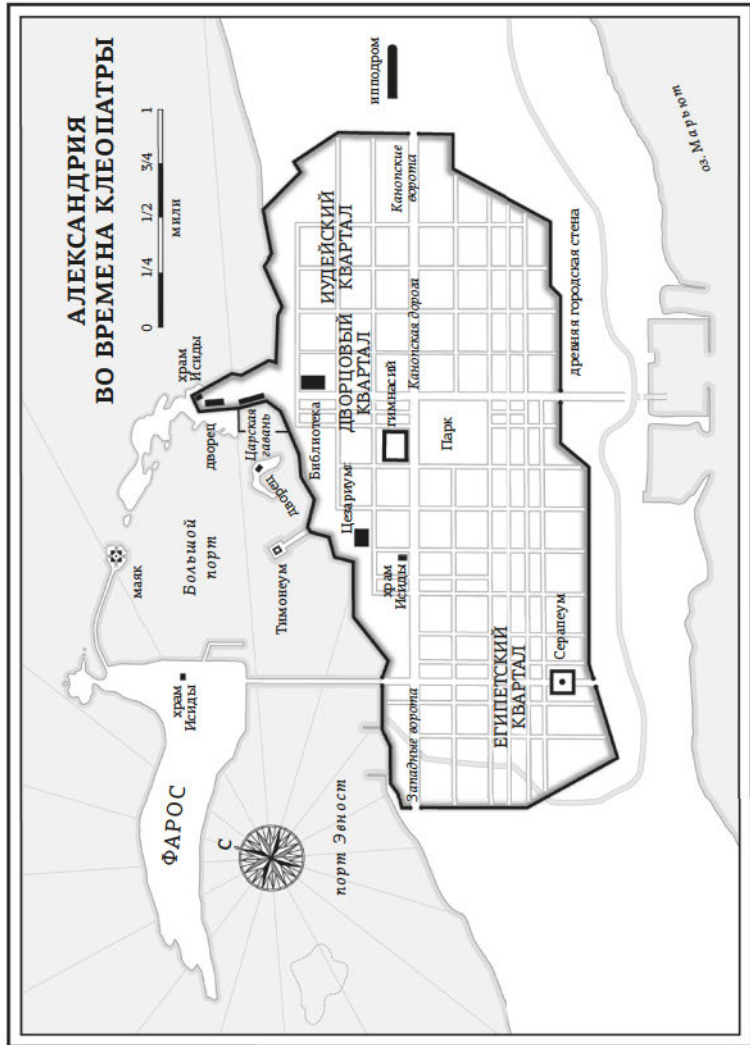

СОДЕРЖАНИЕ

1. Эта египтянка	11
2. «Мертвец не укусит»	24
3. Клеопатра могла победить старца волшебством	64
4. Век золотой был никогда не век текущий	116
5. «Человек по природе своей есть существо политическое»	157
6. Нужно часто менять паруса, чтобы прибыть, куда хочешь	204
7. Объект сплетен для всего мира	241
8. «Недозволенный блуд и потомство помимо супруги»	281
9. Порочнейшая женщина в истории	327
<i>Благодарности</i>	380
<i>Примечания</i>	383
<i>Библиография</i>	441
<i>Фотоматериалы</i>	445

АЛЕКСАНДРИЯ ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ

1

ЭТА ЕГИПТЯНКА

Во всех делах разумное полезно недоверье¹ [1].

Еврипид. «Елена»

Одна из самых известных женщин, когда-либо живших на земле, Клеопатра VII, правила Египтом двадцать два года. Однажды потеряв власть, она ее обрела, потом едва снова не потеряла, затем собрала империю, а в итоге лишилась всего. В детстве богиня, в юности царица, далее — суперзвезда, она еще при жизни стала объектом разговоров и поклонения, сплетен и легенд. На пике могущества она была владычицей почти всего Восточного Средиземноморья. В одно мимолетное мгновение в ее руках была судьба всего западного мира. Она родила ребенка от женатого мужчины и еще троих — от другого, и умерла в тридцать девять лет, относясь к последнему поколению до Рождества Христова. Катастрофа закрепляет репутацию, а финал жизненного пути Клеопатры был внезапен и громок. С тех пор она навсегда завладела нашими умами. Многие говорили и продолжают говорить от ее имени, среди них — величайшие драматурги и поэты. Мы вкладываем собственные слова в ее уста вот уже две тысячи лет. Надо сказать,

---

¹ «Елена» Еврипида здесь и далее цит. в пер. И. Анненского. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

у Клеопатры выдалась на редкость насыщенная загробная жизнь: ее именем названы астероид, видеоигра, марка сигарет, игровой автомат и стриптиз-клуб, она и навязший в зубах штамп, и «синоним» Элизабет Тейлор. Шекспир убеждал нас в ее бесконечной изменчивости, потому что ничего не знал о ней самой.

Имя известно всем, но образ весьма расплывчат. Да, Клеопатра — одна из самых заметных фигур в истории, но при этом мы слабо представляем себе, как она на самом деле выглядела. Портреты на монетах, отчеканенные при жизни царицы и, судя по всему, ею самой одобренные, — единственное свидетельство, которому можно верить. К тому же мы помним ее вовсе не за то, за что должны бы. Только одаренный и дальновидный правитель способен создать свой флот, подавить восстание, удержать курс валюты, накормить голодных. Выдающийся римский полководец доверял ее хватке в военных делах. Она стояла особняком даже во времена, когда женщин-правительниц было немало: это единственная царица Древнего мира, правившая самостоятельно и игравшая заметную роль в отношениях с Западом. Она была несравнимо богаче, чем кто-либо еще в Средиземноморье, и влиятельнее любой другой женщины своей эпохи [2] — о чем в свое время напомнили одному чересчур горячему царю, который задумал убить гостившую у него владычицу Египта¹. Клеопатра происходила из рода потомственных убийц и прилежно поддерживала семейную традицию, но вела себя на удивление прилично, если учесть, где и когда она жила. Тем не менее ее до сих пор воспринимают всего лишь как экстравагантную соблазнительницу: это не первый и не последний случай в истории, когда действительно могущественная женщина низводится до бесстыдной блудницы.

---

¹ Речь идет о царе Ироде.

Жизнь Клеопатры — как и любого человека, о ком пишут поэмы, — наполнилась неурядицами и разочарованиями. Она росла в неслыханной роскоши и унаследовала царство в состоянии упадка. Десять поколений ее предков самозабвенно играли в фараонов. На самом же деле Птолемеи были македонскими греками, так что Клеопатра примерно такая же египтянка, как Элизабет Тейлор. В восемнадцать лет ей досталась страна с тяжким прошлым и шатким будущим. Между ней и Нефертити — тысяча триста лет. Пирамиды, которые царица почти наверняка показывала Юлию Цезарю, тогда уже покрылись граффити. Сфинкса последний раз реставрировали тысячу лет тому назад. Слава некогда великой империи Птолемеев угасла. Взросление Клеопатры пришлось на времена, когда над миром нависла тень Рима, распростершегося до египетских границ. Ей было одиннадцать, когда Цезарь напомнил своим военачальникам: тот, кто не воюет, не богатеет и не покоряет другие народы, — не римлянин. Один восточный монарх, начавший собственную эпическую борьбу с Римом, так высказался о будущих проблемах Клеопатры: римляне схожи с волками. Они ненавидят великих царей. Они расхищают их имущество. Они хотят захватить все и «либо все уничтожить, либо пасть»¹ [3]. Это весьма прозрачный намек на последнюю оставшуюся на Востоке богатую страну, входившую в сферу римских интересов. Египет умел быть гибким, — благодаря чему по большей части смог сохранить свою автономию, — однако уже был крепко повязан с Римом.

Отцу Клеопатры стоило огромных денег получить официальный статус «друг и союзник римского народа». Его дочь вскоре поняла, что мало быть другом народа

---

¹ Гай Саллюст Крисп. Письмо Митридата, 21. Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна.

и сената: необходимо подружиться с самым могущественным римлянином. А попробуй, найди такого в поздней республике, раздираемой гражданскими войнами. Вся жизнь Клеопатры проходила на их фоне. Тщеславные римские военачальники бились в бесконечном поединке амбиций, исход которого дважды — и оба раза крайне неожиданно — решался на египетской земле. После каждого такого катаклизма средиземноморские страны содрагались в попытках скорректировать свою верность тому или иному политику и перенаправить потоки благодарности. Отец Клеопатры поставил все на Помпея Великого, блестящего римского полководца, который пользовался, казалось, неистощимой благосклонностью фортуны. Помпей стал покровителем семьи, а еще вступил в войну с Юлием Цезарем — как раз тогда, когда на другом берегу Средиземного моря восходила на трон Клеопатра. Летом 48 г. до н. э. Цезарь разгромил Помпея в Центральной Греции. Помпей сбежал в Египет, где его радостно встретили и сразу же, не откладывая в долгий ящик, обезглавили. Клеопатре исполнился двадцать один год. У нее не было иного выбора, кроме как начать заигрывать с новым повелителем римского мира. Эта египтянка сильно отличалась от остальных вассальных правителей, имена которых — и не случайно — не дошли до наших дней. Все последующие годы она пыталась направить беспощадное римское цунами в нужное ей русло, меняла покровителей после убийства Цезаря и в итоге закрутила роман с его протеже, Марком Антонием. С высоты сегодняшнего дня ее правление выглядит всего лишь как отсрочка приговора: фактически для нее все было кончено раньше, чем началось. Хотя, конечно, молодой царице так не казалось. После ее смерти Египет превратился в римскую провинцию, а независимым государством снова стал лишь в XX столетии.

Можно ли сказать что-нибудь хорошее о женщине, которая спала с двумя самыми влиятельными мужчинами эпохи? Можно, конечно, но только если вы не римский историк. В Клеопатре сошлись две грозные стихии: она была женщиной и обладала властью. Умные женщины, как за сотни лет до того предупреждал Еврипид, опасны. Известный римский историк с чувством глубокого удовлетворения обзывает одну иудейскую царицу «всего лишь номинальной правительницей»¹ [4], а через шесть страниц обвиняет ее же в непомерных амбициях и ненасытном властолюбии². В ходу были и более обезоруживающие проявления власти. В брачном контракте I века до н. э. невесте предписывалось быть верной и любящей, а также не подмешивать любовное зелье в еду или питье мужа [5]. Мы не знаем, любила ли Клеопатра Антония или Цезаря, но точно известно, что она умела заставить каждого из них играть в ее игру, то есть, с точки зрения римлян, обоих «превратила в рабов». И это была так называемая игра с нулевой суммой: женская авторитарность в любом случае оставляла мужчину в проигрыше. Жена первого римского императора Августа якобы так объясняла секрет своего влияния на мужа: «...будучи самою во всем более целомудренной, делая с удовольствием все то, что радовало его, и не вмешиваясь ни в какие из его дел, особенно делая вид, что не знает и не замечает предпочтения его страсти»³ [6]. У нас нет оснований принимать эту формулу за чистую монету. Впрочем, Клеопатра была сделана совершенно из другого теста. Она могла на рыбалке, греясь

---

¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. Здесь и далее цит. в пер. Г.Г. Генкеля.

² Иосиф Флавий говорил так о царице Саломее Александре, правившей Иудеей с 76 по 67 г. до н. э.

³ Кассий Дион. История римлян. LVII–LXIII. Пер. В. Н. Талаха.

в лучах ленивого александрийского солнца, спокойно на-
помнить самому знаменитому римскому полководцу,
чтобы не расслаблялся и не забывал о своих обязанностях.

Для римлян греки воплощали собой вольнодумие и пренебрежение к законам. Клеопатра же была виновна вдвойне: во-первых, происходила из культуры, известной своим «врожденным умением лгать»¹ [7], а во-вторых, жила в Александрии. Типичный римлянин не видел разницы между экзотикой и эротикой: Клеопатра была плоть от плоти своей темной, плодородной земли и капризной, экстравагантной, поражающей воображение реки — этокое олицетворение потустороннего, мистического Востока. Мужчины теряли из-за нее головы или, по крайней мере, меняли планы. Такой она выведена даже в биографии Марка Антония, написанной Плутархом. Историк XIX века называет ее при встрече с Цезарем «распущенной шестнадцатилетней» [8] (на самом деле она скорее была крайне собранной женщиной двадцати одного года). Скандальная репутация Востока была гораздо старше Клеопатры, но это никого не волновало: царица родилась в греховной стране страстей и излишеств. Неудивительно, что Цезарь стал историей, а Клеопатра — легендой.

Еще больше тумана напустили римские летописцы, которые весьма приблизительно ориентировались в собственной древней истории. Все мы порой, как Марк Твен в забитом туристами Ватикане, предпочитаем копии оригиналу. Так же и античные классики создавали труды, просто подновляя старые сказки. Именно они взвалили на Клеопатру чужие пороки. Историю все время требовалось переписывать и придавать ей все больше лоска, не заботясь

---

¹ Цицерон — брату Квинту. «Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту». Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна.

о точности. В античных текстах злодеи всегда одеваются в особенно вульгарный пурпурный, едят слишком много жареных павлинов, умащивают тела редкими дорогими маслами, растворяют в кислоте жемчуг. Будь ты мятежной царицей или безжалостным пиратом, судить тебя все равно будут за «гнусную роскошь»¹ [9]. Зло и роскошь считались синонимами, мир переливался пурпуром и золотом. История плотно переплелась с мифом, люди — с богами: это тоже не упрощает нам ситуацию. Клеопатра жила в мире, где можно было запросто поклониться остаткам Орфеевой лиры или увидеть скорлупу яйца, из которого вылупилась дочь Зевса (это случилось в Спарте).

История не просто пишется потомками: она пишется еще и для потомков. Авторы самых надежных из наших источников никогда не видели Клеопатру. Плутарх родился через семьдесят шесть лет после ее смерти (он писал в одно время с апостолами Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном). Аппиан Александрийский работал спустя еще одно столетие, Дион Кассий — спустя два с лишним. История Клеопатры отличается от истории других женщин тем, что мужчины, которые ее сочиняли, — по разным причинам — преувеличивали ее роль, а не старались задвинуть подальше. Связь с Марком Антонием была самой продолжительной в ее жизни, но связь с его врагом Октавианом Августом поистине сделала ее бессмертной. Август разгромил Антония и Клеопатру и, чтобы усилить сияние своей славы, познакомил Рим, так скажем, с «таблюдной» версией египетской царицы: ненасытной, вероломной, кровожадной, властолюбивой. Он раздул роль Клеопатры до невероятных размеров, чтобы то же самое стало и с его победой и чтобы вывести из игры своего

---

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Помпей, 24. Здесь и далее цит. в пер. Г.А. Стратановского.

настоящего врага, бывшего шурина. В итоге мы имеем что-то типа драмы «Жизнь Наполеона» в изложении британца XIX века или эпический боевик «История Америки» глазами Мао Цзэдуна.

А теперь к творчеству коллектива крайне тенденциозных историков добавьте чрезвычайно обрывочные архивные документы. Ни одного папируса из Александрии не сохранилось. На поверхности земли от этого древнего города не осталось почти ничего. Похоже, самое большое, что у нас есть, — одно-единственное слово, написанное Клеопатрой (в 33 году до н. э. либо она сама, либо ее секретарь подписал царский указ греческим словом «гинесто» — «да будет так»). Античные авторы не опускались до статистики, а иногда и до логики тоже: их записи то и дело противоречат друг другу. Аппиан вольно обращается с деталями, Иосиф Флавий совершенно безнадежен в хронологии. Дион Кассий предпочитал риторику точности фактов. Пробелы настолько часты, что выглядят неслучайными: все это смахивает на заговор молчания. Как иначе объяснить тот факт, что не сохранилось ни одного вызывающего доверие бюста Клеопатры, жившей во времена расцвета изысканной, реалистичной скульптуры? Письма Цицерона начала 44 года до н. э. — когда Цезарь и Клеопатра вместе проводили время в Риме — никогда не публиковались. Самый объемный труд по греческой истории старательно «причесывает» этот бурный период. Трудно сказать, чего нам не хватает больше. Аппиан обещает больше Цезаря и Клеопатры в своих четырех книгах, посвященных истории Египта, — книги не сохранились. Летопись Ливия обрывается за столетие до Клеопатры. О подробных записях ее лечащего врача мы знаем только из упоминаний Плутарха. Испарились хроники Квинта Деллия, а вместе с ними и чувственные письма, которые, по слухам, писала ему царица. Даже Марк Анней Лукан — что особенно раз-

дражает — резко обрывает свою эпическую поэму на том, что Цезарь заперт во дворце Клеопатры в самом начале Александрийской войны. Когда не хватает фактов, в игру вступает миф, вездесущий сорняк истории.

Эти белые пятна представляют собой одну опасность, а то, что мы сами вокруг них сооружаем, — другую. Дела государственные уходят в прошлое, остаются дела сердечные. Властная женщина, разбирающаяся в политике, дипломатии и управлении; свободно изъясняющаяся на девяти языках; умеющая прекрасно говорить и харизматичная, Клеопатра все же выглядит совместным проектом римских пропагандистов и голливудских режиссеров. На нее ставят тавро могучей женской сексуальности. И с эпохой, надо сказать, ей не повезло: мало того что историю Клеопатры писали ее враги, так еще и слава ее пришлась на время расцвета латинской поэзии. Она вошла в литературу на языке, который был к ней враждебен, и опусы сыпались как из рога изобилия. Джордж Бернанд Шоу среди источников к «Цезарю и Клеопатре» упоминает свое воображение. Многие историки опираются на Шекспира, что, с одной стороны, можно понять, но с другой — это как принять Джорджа Скотта за генерала Паттона¹.

Восстановить личность Клеопатры — значит, во-первых, бережно отнестись к немногим дошедшим до нас фактам, а во-вторых, очистить ее от мифологической плесени и набившего оскомину грубого пиара. Она была гречанкой, история которой оказалась в руках мужчин, чье будущее определялось в Риме, — и большинство из них служило империи. Их исторические методы нам неясны².

¹ Актер Джордж Скотт сыграл Джорджа Паттона, известного крутым нравом американского генерала времен Второй мировой войны, в фильме «Паттон» 1970 г.

² Работавший через 130 лет после Рождества Христова Иосиф Флавий нападал на своих недобросовестных коллег: «Некоторые из современ-

Они редко называли свои источники. Они слишком полагались на память [10]. По современным меркам все они болтуны, апологеты, моралисты, фантазеры, переработчики, копипастеры, поденщики. Просвещенный Египет времен Клеопатры не смог произвести на свет ни одного настоящего историка. Приходится исходить из данности: источники, возможно, ненадежны, но других у нас нет. На сегодня ученые не имеют общего мнения о большинстве важнейших деталей ее жизни: мы не знаем, кем была ее мать, долго ли Клеопатра жила в Риме, сколько раз была беременна, сочеталась ли браком с Антонием, что произошло во время судьбоносной для нее последней битвы, как она умерла¹. В процессе написания этой книги я старалась не забывать, кто был хранителем архивов, а кто — обычным сплетником; кто в действительности интересовался Египтом, кто его презирал, кто там родился; у кого были проблемы с женщинами; кто писал с рвением римлянина, недавно приобретшего гражданство; кто мечтал с кем-то поквитаться, ублажить императора, отшлифовать поэтический дар. (Я не очень доверяю Лукану. Он появился на сцене слишком рано, до Плутарха, Аппиана или Диона. Еще он был поэтом и любителем сенсаций.) Даже когда

ных берутся писать о том, чего не только своими глазами не видели, но даже не потрудились расспросить об этом очевидцев. Разумеется, и о шедшей недавно войне некоторые писатели составили себе представление, хотя в тех местах даже и не побывали и уж тем более не присутствовали при самих событиях; при этом они весьма нескромно называют свои сочинения историей, хотя составили их по недостоверным слухам» (*Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона, I. 46, пер. Я. И. Израэльсона и Г. Г. Генкеля*). Он громит древних греков за то, что они дают противоречивые сведения об одних и тех же событиях, — и тут же начинает делать то же самое. — *Прим. автора.*

¹ Даже великие творцы не могут прийти к единому мнению насчет Цезаря и Клеопатры: он ее любит (Гендель); он ее не любит (Шоу); он ее любит (Торнтон Уайлдер). — *Прим. автора.*

записи не запутаны и не тенденциозны, в них зачастую слишком много напыщенности и преувеличений. Как уже отмечалось, в античные времена не существовало сухой, неприукрашенной истории [11]. Главное было — ошеломить. Я не пыталась заполнить пустоты, хотя периодически использовала возможности. Едва ли вероятное остается в книге все таким же едва ли вероятным, хотя даже в этих случаях мнения расходятся кардинально. Несовместимое остается несомненным. По большей части я восстанавливала контекст. Совершенно точно, что Клеопатра убила своих братьев и сестру, но ведь и Ирод, например, уничтожил собственных детей (а потом жаловался, что был «несчастнейшим из отцов»¹ [12]. Как напоминает нам Плутарх, такое поведение в среде царственных особ считалось тогда вполне нормальным. Клеопатра могла не быть красавицей, но своим богатством, своим дворцом способна была ошеломить любого римлянина. Все выглядит иначе с другого берега Средиземного моря. Недавние исследования женщин Античности и эллинистического Египта проливают на их историю совершенно новый свет. Я стремилась снять с последних минут жизни прославленной египетской царицы налет мелодраматической чепухи, излагая которую даже самые здравомыслящие летописцы выглядят сентиментальными сценаристами сомнительных телесериалов. Иногда, однако, драматизация вполне оправданна. В эпоху Клеопатры жили избыточные, неподвластные нашему пониманию персонажи. Под занавес величайшие актеры уходят внезапно. А за ними рушится мир.

Мы, конечно, очень многого не знаем о Клеопатре, но она тоже очень многого о себе не знала. Не знала, что живет в I веке до н. э. или в эпоху эллинизма [13], — эти

---

¹ Иосиф Флавий. Иудейская война, I.556. Здесь и далее цит. в пер. Г.Г. Генкеля.

понятия люди придумают позже. (Эллинизмом принято считать период между смертью Александра Македонского в 323 году до н. э. и смертью Клеопатры в 30 году до н. э. Пожалуй, лучшее ему определение — время греков, в котором греки не играли никакой роли.) Еще она не догадывалась, что была Клеопатрой VII, — хотя бы потому, что на самом деле была шестой Клеопатрой. И понятия не имела, кто такой Октавиан, ведь человека, который ее низверг, заставил покончить с жизнью и по большому счету создал ей образ в будущем, звали Гай Октавий. А тогда, когда соприкоснулся с ее судьбой, этот человек вообще именовал себя Гай Юлий Цезарь — в честь знаменитого двоюродного деда, ее любовника, который в своем завещании усыновил внучатого племянника. Нам он известен как Август, этот титул он присвоил лишь через три года после смерти Клеопатры. Здесь он выступает как Октавиан: все же два Цезаря в одной книге — явный перебор.

Большинство географических названий изменились с античных времен. По примеру Лайонелла Кассона¹ я в своей книге порой жертвую логичным ради хорошо знакомого. У меня Беритус — Бейрут, а Пелузий — его больше нет, но существуй он сегодня, находился бы чуть восточнее Порт-Саида, прямо при входе в Суэцкий канал, — остался Пелузием. Аналогично я сделала выбор в пользу привычных нам написаний, а не транслитерации. Соперник Цезаря здесь — Помпей, а не Гнеус Помпеус Магнус, ставленник Цезаря — Марк Антоний, а не Маркус Антониус. География изменилась во многих аспектах: береговые линии отступили под натиском моря, болота высохли, горы разрушились. Александрия сегодня более плоская,

---

¹ Лайонелл Кассон (1914–2009) — американский антиковед, почетный профессор Нью-Йоркского университета, автор нескольких популярных книг по истории Древнего мира.

чем во времена Клеопатры. Древний план города канул в прошлое, как и его слепящая глаза белизна. Русло Нила на три километра сместилось к востоку, но пыль, соленый морской воздух и пурпурные, знойные александрийские закаты никуда не делись. Человеческая натура, что характерно, совершенно не изменилась, законы истории тоже. События, описываемые разными очевидцами, все так же сильно отличаются друг от друга¹. Вот уже более двух тысяч лет в неравной борьбе миф побеждает факт. Если не указано иное, все приведенные в книге даты относятся к периоду до нашей эры.

---

¹ Как происходило во все времена: «Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти», жаловался Фукидид почти за четыреста лет до Клеопатры (Фукидид. История Пелопоннесской войны, I.22. Здесь и далее цит. в пер. Ф. Г. Мищенко). — *Прим. автора.*

2

«МЕРТВЕЦ НЕ УКУСИТ»

Что за счастье и удача — не иметь большой родни!¹ [1]

Менандр. «Привратник»

В то лето в пустыне, под палящим сирийским солнцем, она собрала отряд наемников. Ей двадцать один год, она сирота и в изгнании, уже успевшая узнать и что такое богатство, и что такое падение в бездну. Всю жизнь нежившаяся в небывалой роскоши, теперь она собирает преданных воинов в 320 километрах от родных дверей эбенового дерева и полов прохладного оникса. Палатка в пустынной глуши — самый комфортный ее дом за последний год: все эти месяцы она, рискуя жизнью, тайком пробиралась сюда через Средний Египет, Палестину и Южную Сирию. Все жаркое пыльное лето Клеопатра собирала армию.

Уж в чем в чем, а в этом женщины из ее рода всегда были сильны. И она готова к схватке с выдвинувшимся навстречу врагом. В опасной близости, неподалеку от прибрежной крепости Пелузий на восточной границе Египта, шагают 20 тысяч бывалых солдат — это как половина ар-

---

¹ Заголовок главы — *Менандр. Помпей, LXXVII; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Брут, XXXIII. Здесь и далее цит. в пер. С. П. Маркиша. «Привратник» («Комедии. Фрагменты») Менандра здесь (в эпитафье) и далее цит. в пер. О. Смыки.*

мии, с которой Александр Македонский вторгся в Азию три столетия назад. Внушительное сборище пиратов, бандитов, ссыльных, разбойников и беглых рабов под командованием ее тринадцатилетнего брата, с которым они вместе недавно унаследовали египетский трон. Вскоре она отодвинула его в сторону, а он в ответ изгнал ее из царства, которым им надлежало править совместно, как мужу и жене. Армия брата контролирует кирпичные стены Пелузия, его массивные шестиметровые полукруглые башни. Молодая женщина со своим войском стоит лагерем восточнее, вдоль безлюдного берега, окруженная раскаленным морем янтарного песка. Скоро бой. Ее положение можно в лучшем случае назвать безнадежным. Последний раз за ближайшие две тысячи лет Клеопатра VII стоит не на сцене, а за кулисами. Через несколько дней она ворвется в историю, на неизбежное отвечая невозможным. Идет 48 год до н. э.

Средиземноморье охвачено каким-то «странным безумием», питаемым всевозможными знаменаниями, предостережениями и экстравагантными слухами. Царит атмосфера нервного раздражения. За полдня можно пережить тревогу, восторг, вдохновение и страх. Некоторые слухи подтверждаются. В начале июля Клеопатра слышала, что римская гражданская война — поединок, в котором сошлись непобедимый Юлий Цезарь и неукротимый Помпей Великий, — вот-вот перекинется на Египет. Это очень тревожило: она помнила, что римляне выступали защитниками египетских царей. Более того, кое-кто из них сел на трон благодаря этой безжалостной силе, вскоре покорившей все Средиземноморье. Еще она хорошо помнит, что Помпей — близкий друг ее отца. Этот талантливый полководец десятилетиями одерживал победы на суше и на море, покоряя народ за народом в Африке, Азии и Европе. Оба они — и Клеопатра, и ставший ей врагом брат Птолемей XIII — у него в долгу.